

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

महाकविश्रीदण्डिविरचितं
दशकुमारचरितम्

Д Я Н Д И Н
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДЕСЯТИ
ПРИНЦЕВ

Перевод с санскрита
академика Ф. И. Щербатского

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1964

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ответственный редактор, автор предисловия
и примечаний

В. И. КАЛЬЯНОВ

Художник

В. А. Носков

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Роман Дандина «Приключения десяти принцев» был переведен академиком Ф. И. Щербатским в начале двадцатых годов. В 1923—1925 гг. семь глав романа публиковались в третьей, четвертой и пятой книгах журнала «Восток». Полностью в переводе Ф. И. Щербатского роман «Приключения десяти принцев» выходит в свет впервые.

Достоинством перевода, принадлежащего перу одного из крупнейших санскритологов нашего времени, является верность духу и тону оригинала, выражающаяся и в общем ритме повествования на русском языке.

Читатель, конечно, обратит внимание и на некоторые необычные особенности перевода, в частности на то, что Ф. И. Щербатской безотносительно ко времени создания романа применяет слова и термины намного более позднего происхождения, относящиеся к самым разным общественным периодам. Так, в его тексте встречаются «терем», «гетера», «золотая молодежь», «шулер», «начальник полиции», «городская публика» и т. д.

Мы не сочли допустимым редактирование рукописи в этом направлении, так как подобный шаг неизбежно должен был бы повлечь за собою и другую правку перевода, сделанного сорок лет тому назад. Но переводчика нет в живых, и мы представляем читателю его выдающийся труд в том виде, в каком он был опубликован и оставлен академиком Ф. И. Щербатским, лишь разрешив себе самые необходимые и несущественные исправления.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Роман Дандина «Дашакумарачарита» (Daśakumaracarita = «Приключения десяти принцев») по своему характеру примыкает к разряду индийской повествовательной литературы. Помимо других многочисленных литературных памятников, в Индии существует обширный океан повествовательной литературы, представленной как на санскрите, так и на пра-критах, т. е. народных языках или диалектах; мы не говорим уже о позднейшей — средневековой и современной литературе на различных новиндийских и дравидийских языках. В этот обширный океан вливаются: 1) многочисленные сказки и сказания; 2) различные рассказы, преследующие цели популяризации религиозных идей, такие, как джатаки, или рассказы о перерождениях Будды; 3) назидательные рассказы, охватывающие различные стороны индийской жизни, такие, как сборники басен «Панчатантра» («Пять циклов индийской жизни») и «Хитопадеша» («Доброе наставление»); 4) повествовательные произведения, преимущественно развлекательного характера, как, например, «Брихаткатха» («Большой

сборник рассказов»), «Веталапанчавимшати» («Двадцать пять рассказов Веталы»), «Шукасаптари» («Семьдесят рассказов попугая») и другие, а также 5) романы и новеллы в санскритской художественной прозе, такие, как «Дашакумарачарита» («Приключения десяти принцев»), «Васавадатта» и «Кадамбари» (названные по именам главных героинь).

Как и все произведения индийской повествовательной литературы, роман Дандина представляет собою цикл рассказов, объединенных общим обрамляющим рассказом, как бы напоминая «индийский Декамерон». Вполне вероятно, что мотивами для романа послужили некоторые древние сказания, многие из которых включены в «Большой сборник рассказов» («Брихаткатха»). В этом сборнике (главы 69—103) мы находим историю одного принца. Его сопровождали десять сыновей министров, которые затем были разлучены и после встречи рассказывают друг другу о своих приключениях. Подобные рассказы можно найти и в джатаках.

О личности самого Дандина мы знаем очень мало. По существу мы располагаем лишь теми данными, которые могут быть собраны из его собственных работ и поздней традиции. Достоверно известно одно: индийская литературная традиция причисляет его к разряду своих «великих поэтов» (*махакави*), а такое звание присуждалось только немногим поэтам из числа наиболее выдающихся, таких, как Калидасы и другие. Дандину принадлежат бесспорно два произведения: роман «Дашакумарачарита» («Приключения десяти принцев») и трактат по теории поэзии «Кавьядарша» («Зеркало поэзии»), из которых первое считается более ранним, нежели второе произведение.

Что касается времени жизни Дандина, то путем различных сопоставлений его можно определить только приблизительно. Совокупность данных говорит о том, что он жил после Калидасы и раньше Субандху, автора романа «Васавадатта», и Баны, автора романа «Кадамбари» и хроники «Харшачарита» («Деяния царя Харши»), ибо последние произведения по своей стилистической усложненности являются более поздними по сравнению с «Дашакумарачаритой» — первым индийским романом. Здесь также следует принять в соображение и данные географического порядка, встречающиеся в произведениях самого автора. В своем сочинении «Кавьядарша» Дандин причисляет себя к литературной школе Видарбха (нынешний Берар), которая противопоставляется более изощренной школе Гауда (нынешний Бенгал). С другой стороны, действие его романа развертывается в пределах царств Магадха (Южный Бихар) и Малава (нынешняя Мальва), а также царства Видарбха, ведущего борьбу с соседними властителями. По всей видимости, это период, предшествовавший империи Харшавардханы (начало VII в. н. э.). Поэтому можно предположить, что Дандин жил в эпоху династии Пушьябхути, сменившей

династию Гуптов, не ранее царя Прабхакаравардханы и не позже царствования Харшавардханы, скорее всего во второй половине VI в. н. э. Однако его относят и к более позднему времени — династии Паллава, т. е. VII в. н. э.

Дандин является родоначальником художественной прозы в древнеиндийской литературе. Роман Дандина написан так называемой искусственной прозой, характерной для санскритской классической художественной литературы, с соблюдением правил индийской поэтики, и принадлежит к разряду так называемых «больших поэм» (*Махакавья*).

Автор мастерски сочетает различные приемы стиля, не перегружая, однако, язык чрезмерной вычурностью и напыщенностью слова. Он одинаково стремится к точности выражения и ясности смысла, применял аллитерацию и избегая в то же время грубых звуков. Он достигает красоты изложения в гармонии звука. Свое искусство в подборе звуков автор иногда доводит до изощренности. Так, седьмая глава написана без единого губного звука, так как у царевича Митрагупты, от лица которого ведется здесь рассказ, случилось несчастье с губами. В порыве страсти его любимая супруга укусила их, и он, страдая, должен был рассказывать свои приключения, избегая при этом произносить губные звуки.

Перевод таких произведений, как «Дашакумарачарита», на европейские языки весьма труден, так как переводчику приходится передавать текст оригинала в уже разобранном виде, раскрывая тайный смысл поэтической речи (игру слов, намеки и т. д.). Переводчик должен проделывать огромную работу, чтобы донести до европейского читателя ту поэтическую образность, которая для индийского знатока составляет суть наслаждения красотой художественного произведения. Эту задачу мастерски выполнил академик Ф. И. Щербатской в своем переводе.

По своему построению роман Дандина состоит из пролога в пяти главах, называемого *Пурва-питхика* (т. е. первый, вступительный раздел), собственно романа в восьми главах-рассказах и краткого заключения, именуемого *Утара-питхика* (т. е. последний, заключительный раздел). Однако по наиболее распространенному среди ученых мнению, роман дошел до нас в неполном виде, т. е. без начала и конца. Предполагают, что заключение было добавлено Дандином в более позднее время, а пролог утрачен и восстановлен уже другими авторами, которые подражали Дандину. Некоторые исследователи полагают, что пролог был написан самим Дандином в юные годы. Однако, вероятнее всего, что пролога совсем не было и роман, для большего эффекта, начинался со сцены в тереме, так как многие из тех сведений, которые должны были бы содержаться в прологе, сообщаются потом уже в самом романе. Поэтому русский перевод романа исключает пролог, но сохраняет заключение.

Роман начинается с похождения царевича Раджаваханы (первый рассказ), покинувшего девять других царевичей — своих сверстников, с которыми он вместе воспитывался. Повествование начинается прямо со сцены в тереме, где Раджавахана предается блаженству со своей возлюбленной Авантисундари, дочерью царя Манасара. Ее брат Чандаварман, наместник престарелого царя, обнаруживает и захватывает Раджавахану. Чандаварман сажает его в деревянную клетку, но, не решаясь никому доверить охрану царевича, берет с собой в поход и осаждают столицу Бенгала Чампу. Раджавахану ожидает страшная казнь, но он спасается, вскочив на бешеного слона, под ноги которого он должен был быть брошен. Его враг Чандаварман убит. На помощь Раджавахану приходит бенгальский царь вместе с семью союзниками, которыми оказываются остальные семь его друзей-царевичей. Они уже стали царями и, встретившись после долгой разлуки, рассказывают один за другим своему верховному царю Раджавахане о своих приключениях. Апахараварман ведет второй рассказ, Упахараварман — третий, Артапала — четвертый, Прамати — пятый, Митрагупта — шестой, Мантрагупта — седьмой и Вишрута — восьмой. О приключениях же двух других царевичей, своих друзей Сомадатты и Пушподбавы, рассказал сам царь Раджавахана.

В заключении говорится о том, как царевичи возвратили престарелому царю Раджахансе, отцу Раджаваханы, престол и царство, отнятые его соседом Манасарой, властителем Малавы. Раджавахана женится на царевне Авантисундари и затем с помощью девяти своих друзей покоряет весь мир. Престарелый Раджаханса уступает своему сыну престол и царство, а сам вместе со своей супругой царицей Васумати удаляется в лесную обитель, чтобы оставшуюся часть жизни провести отшельником вдвои от мира людей.

В романе Дандина получило яркое отображение индийское раннефеодалное общество. Здесь наряду с фантастикой и сверхъестественным, столь обычными для индийского воображения, отчетливо проглядывают и обыденная жизнь с ее чисто реалистическими чертами, раскрываются яркие картины быта и нравов. С большой наблюдательностью в романе изображены различные слои индийского общества. Тут и придворная жизнь с ее тонкими интригами, и сцены в игорном доме, и доведенное до совершенства воровское искусство, превращающее богачей в нищих, а бедных в богачей. Ведь недаром героя второй главы романа Апахаравармана называют «индийским Робин Гудом» (Дасгуита). Вместе с подробным весьма реалистическим описанием воспитания гетеры в романе излагаются и основы сложной науки о государственном управлении (глава VIII), что говорит о глубоком знакомстве автора романа со знаменитым трактатом о политике «Артхашастрой», приписываемым Каутилю.

Здесь же мы находим материалистические и атеистические тенденции, особенно в беседе юной гетеры Камаманьджари со святым отшельником Маричи, которого она ловко одурачила (глава II), и в сцене, метко разоблачающей жрецов (глава VIII). Основная ценность романа Дандина, помимо его художественного значения, состоит в откровенном реализме, беспощадно разоблачающем пороки паразитической верхушки общества.

Приключения, содержащиеся в рамках романа Дандина, весьма разнообразны по содержанию. Поэтому ученые-индологи называют его по-разному. Одни называют его «плутовским романом» (Мейер), другие — «романом нравов» (Пишель), третьи — «сказочным романом» (Винтерниц). Во всяком случае роман Дандина принадлежит к разряду приключенческих романов, хотя в нем наряду с реальными картинками жизни встречаются и чисто сказочные сюжеты. Это — увлекательное повествование о живых людях, судьбы которых тесно переплетаются между собой.

Санскритский текст романа Дандина издавался неоднократно. Первое издание текста, подготовленное Вильсоном, вышло в 1846 г. в Лондоне, другое издание, подготовленное Бюлером и Питерсоном, вышло в двух частях в Бомбее в 1887 и 1891 гг., это же издание, просмотренное Г. Дж. Агаше, вышло в 1919 г. там же. Кроме этого в Бомбее последовательно выходили издания текста, снабженные санскритскими комментариями: первое издание, подготовленное К. П. Парабом, — в 1883 г. (с двумя санскритскими комментариями), второе — в 1889 г. (с тремя санскритскими комментариями) и, наконец, десятое, подготовленное Годаболом и Паисикаром, — в 1925 г. (с четырьмя комментариями). Имеются также издания текста вместе с английским переводом (Бомбей, 1926 г., подготовлено М. Р. Кале, и Мадрас, 1931 г., подготовлено Ч. С. Шастри). Новое издание текста с двумя облегченными комментариями на санскрите (составлен Т. Бхаттачарьей) и на хинди (составлен Р. Шастри и К. Шармой) вышло в 1948 г. в Бенаресе. Вышло также в 1951 г. в Бомбее издание, подготовленное Н. К. Ачарьей.

Первым переводом романа Дандина «Дашакумарачарита» на европейский язык был французский перевод, выполненный Фошем и выпущенный в Париже в 1862 г. В 1873 г. в Лондоне вышел вольный английский перевод, выполненный Джекобом; в 1928 г. он был переиздан Райландсом. В 1927 г. вышел в Чикаго другой английский перевод — Райдера, переизданный затем в Бомбее в 1956 г. Вышли в свет три перевода романа на немецкий язык: Мейера — в 1902 г. в Лейпциге, Габерланда — в 1903 г. в Мюнхене и Гертеля — в 1922 г. в Лейпциге. Новый немецкий перевод, принадлежащий академику Вальтеру Рубену (ГДР), вышел в 1952 г. в Берлине.

Первый русский перевод романа «Дашакумарачарита» был исполнен П. Г. Риттером, профессором Харьковского университета. Перевод П. Г. Риттера был начат еще в 90-х годах в Берлине и закончен до появления двух немецких переводов — Мейера (1902 г.) и Габерланда (1903 г.), однако был опубликован только в 1928 г. в Харькове (Дандин, *Погождения десяти юношей (древне-индийский роман)*). Перевел с санскрита с введением и примечаниями проф. П. Г. Риттер, Харьков, Всеукраинская научная ассоциация востоковедения, 1928 г.). До этого, в 1927 г., из его перевода были опубликованы две первые главы пролога вместе с введением и примечаниями (журнал «Східній Світ», № 1, 1927, стр. 155—181).

Перевод академика Федора Ипполитовича Щербатского (1866—1942) был выполнен в начале 20-х годов. Семь глав романа были опубликованы в журнале «Восток», издававшемся государственным издательством «Всемирная литература» (№ 3, 1923 г., стр. 50—82; № 4, 1924 г., стр. 63—96; № 5, 1925 г., стр. 16—46). Восьмая глава романа и заключение, предназначенные для номера 6 журнала «Восток», остались неопубликованными, так как выход журнала с этого номера был прекращен. В январе 1933 г. Издательство «Academia» обратилось к Ф. И. Щербатскому с предложением издать отдельной книгой роман Дандина «Приключения десяти принцев». «Просим Вас, — говорилось там, — закончить перевод (если он напечатан не полностью в журнале «Восток») и снабдить его Вашей вступительной статьей, комментарием и иллюстрациями» (Архив АН СССР, фонд 725, опись 1, № 38). Однако, ввиду большой занятости, Федор Ипполитович не смог взяться за осуществление такого издания. Во время разбора и описания архива академика Ф. И. Щербатского автором этих строк — его учеником — в 1956 г. был обнаружен неопубликованный перевод главы VIII и заключения (Архив АН СССР, фонд 725, опись 1, № 38, лл. 37—95). Таким образом, стало возможным полностью опубликовать перевод Ф. И. Щербатского. Перевод исполнен с большим мастерством, что было по силам только ученому с глубоким знанием санскрита. Несмотря на сложный санскритский текст, в котором преобладают громоздкие сложные слова и номинальный (безглагольный) строй предложения, Ф. И. Щербатскому удалось передать подлинник легким, красивым русским языком, достигая при этом по возможности максимальной точности. При этом необходимо отметить, что перевод сделан с учетом санскритских комментариев, сопровождающих текст оригинала, и индийской традиционной глубоко разработанной самими индийцами теории поэтического творчества (*аламкара-шастра*), которой сам переводчик владел мастерски. То, что прямо не высказано в тексте оригинала и что приходилось поневоле раскрывать самому переводчику при передаче сравнений и игры слов, он дает в скобках.

Перевод академика Ф. И. Щербатского сохранен без изменений. За исключением самых незначительных поправок, относящихся к отдельным местам, где наблюдаются следы некоторой поспешности. По-видимому, эта торопливость была вызвана частыми перерывами в работе, ибо автор периодически бывал в то время в длительных отъездах (чаще всего в Лондоне). В переводе сохранена авторская транскрипция индийских имен и названий, которые передаются без придыхательных звуков и гласной *a* в конце слов. Встречающаяся в некоторых местах модернизация отдельных понятий и терминов также оставлена без значительных изменений.

Выход в свет полного русского перевода романа Дандина будет способствовать дальнейшему развитию культурных связей с Индией и откроет для советского читателя новые богатства неисчерпаемой сокровищницы древней цивилизации Индии. Этот перевод является ценнейшим вкладом в нашу индологию, так как он исполнен крупнейшим русским востоковедом, чье прославленное имя до сих пор живет в благодарной памяти индийцев.

В. И. Кальман

Глава первая

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЦАРЕВИЧА РАДЖАВАХАНЫ

Услышав от своего возлюбленного рассказы о всем том, как происходили на свете (знаменитые случаи похищения жен), дивная женщина эта широко раскрыла от удивления глаза, улыбнулась и сказала: «Милый! Благодарю тебя! Наслушалась я от тебя сегодня о многом! Ты осветил сегодня мою душу светом знания, от которого исчезнет мой грех! Постой, (я должна возблагодарить тебя), ибо назрел плод твоей ко мне любви. Но чем же я могу быть тебе полезна, чтоб достойным образом ответить на твое внимание?

Ведь я вся твоя. У меня нет ничего такого, что бы уже не принадлежало тебе! Однако нет! Существует еще нечто такое, что от меня всецело зависит. Например, (я могу поцеловать тебя!). Конечно, эти твои губы только что использовала богиня красноречия *, но кое-что от них осталось, и если я не пожелаю, то я их и не поцелую! Богиня красоты *, восседающая на лотосе, прижималась своим крутым бюстом к твоей высокой груди, но никто не может помешать и мне тоже ее обнять».

При этих словах ее роскошные округлые груди прильнули и покрыли собою его грудь: так тяжелые весенние облака покрывают собою небосклон в дождливый день. Глаза ее заблестали глубокой страстью: так на роскошно растущей банановой пальме чернеет сверху раскрывающийся плод. Она страстно поцеловала розовые, как рубин, его губы. По лицу его рассыпались ее густые волосы, которые (своим темным отливом) и пестротой заплетенных в них букетиков напоминали расцветку павлиньих перьев. Подобно тому как розовый цветок кадамба *, над которым кружит рой черных пчел, светится через них своими раскрытыми сверкающими красными тычинками, (так розовые губы его, как лучи рубина, блестя среди ее черных волос). Но стоило только начать! Любовь вспыхнула, (и нельзя уже было ее остановить). Снова и снова возобновляли они сладостную длительность взаимного упоения после бесконечно разнообразных ухищрений любовной ласки. Наконец они устали наслаждаться друг другом и заснули. И вот им обоим приснился какой-то старый лебедь, лапы которого были, как веревками, связаны волокнами лотоса. Тогда они оба проснулись, и вот что им представилось! Ноги молодого царевича были обвиты серебряной цепочкой. Казалось, это луна, приняв его ступни (с раздвинутыми пальцами) за цветы лотоса (с распушенными лепестками), сделала из своих белых лучей веревочки, чтобы связать их.

Как только царевна это заметила, она вскрикнула: «Что это такое?» — и, вся дрожа от сильного страха, принялась кричать изо всех сил. Взволновался весь терем *. Сениные девушки, спавшие рядом, задрожали от страха, как будто бы весь дом был объят пожаром или как будто на терем напали людоеды. Не разбирая, что следовало делать сейчас и что потом, забыв про уговор хранения тайн терема, они попадали на пол, били себя в грудь, рыданиями раздирали горло, а ручки слез текли по их щекам. Услышав этот шум, служители терема, имевшие при таких обстоятельствах свободный вход в него (и ночью), немедленно поднялись с криками: «Что, что такое?!» — вошли и увидели царевича в вышеописанном

положении. Первое их желание было примерно наказать (смельчака), но из почтения к его царскому величию они остановились и сразу, немедля доложили обо всем наместнику царя Чандаварману. Тот пришел, разгневанный. И, когда он осмотрел всех присутствующих, в глазах его загорелся огонь, которым он, казалось, готов был всех сжечь.

Опомнившись и сообразив, что произошло, он стал браниться, говоря: «Как! Это тот самый друг купеческого сына Пушподбавы *, иностранца, который так гордился своим богатством, мужа зловредной Балачандрики, из-за которой был убит мой младший брат. Он называет себя брамином *! Он просто преступник, умеющий скрыть свои злые намерения. Он невесть что воображает о своей красоте, гордится своими познаниями во всех искусствах, разными обманами и ловкими фокусами он привлек на свою сторону глупых горожан и заставил их верить в то, что он пользуется покровительством богов! Но это ложь и обман! Его волшебная кольчуга — миф. Как могла эта преступная Авантисундари * любить такого человека?! Ведь она с презрением отвергала даже мне равных выдающихся людей. Она поступила нечестно! Она осквернила свой род! Пусть же не далее как сегодня ее любовник на ее же глазах будет посажен на кол».

Когда он произносил эти слова, вид его был ужасен, брови сдвинулись и лоб был обезображен морщинами. Он стал похож на бога смерти *. Его грубые руки, крепкие, как железный жезл в руках бога смерти, схватили нежные, как лотос, руки царевича, и он насильно потащил его вон, не обращая внимания на знаки царского происхождения, колесо и лотос, которые были изображены на его руках. Царевич же, хотя и обладал сверхъестественным мужеством, но, будучи умен и сдержан по природе, решил, что единственное средство в данном положении — терпение. В несчастье своем он увидел судьбу, (которая наказывала его за насмешку над святыми отшельниками). На прощание он крикнул: «Помни, что я тебе рассказывал о лебеде, о ты, обладающая лебединой походкой *... Потерпи, дорогая, два месяца!» Этими словами он заронил надежду в душу той, которая полюбила его так, что готова была отдать за него жизнь, той, которая и для него была столь же дорога, как жизнь. Затем он предал себя в руки врага.

Когда весть о случившемся дошла до старых царя и царицы Малавийских *, они были очень опечалены. Догадываясь по намекам врага, что тот хочет казнить царевича, и сочувствуя ему, как будущему зятю и вследствие его необычайной красоты, они решили

взять его под свою защиту. Однако совершенно выручить его из беды они не могли, так как их власть не простиралась столь далеко. Чандаварман же, отличаясь необузданностью характера, (поступил таким образом): о всем случившемся он послал известие царю Дарпасаре, который в то время был в отъезде на Гималаи², где он предавался религиозному подвижничеству. Затем он распорядился неожиданно отобрать имущество у всей семьи купца Пунопдбавы и бросить их всех в тюрьму. Царевича же, как молодого царственного льва, он посадил, связанного, в деревянную клетку, лишив его пищи и питья. Однако благодаря чудодейственному талисману, спрятанному в его пышных волосах, тот не страдал ни от голода, ни от жажды, ни от других неудобств. Затем Чандаварман стал собираться в поход в Бенгал, чтобы наказать царя Бенгальского, который отверг его сватовство за его дочь и тем нанес ему оскорбление. Однако он не решался никому доверить охрану царевича и потому велел взять его с собой. От его могущественной армии задрожала земля, когда он, (подойдя к столице Бенгала), осадил город Чампу³.

Поход против царя Бенгальского⁴

Со своей стороны царь Бенгальский Синхаварман, настоящий лев по непреодолимому мужеству, вышел из городских стен и направился с большим войском навстречу врагу, не дождавшись быстро собравшихся к нему на помощь союзных царей, которых сам же он призвал через многочисленных гонцов. Несмотря на то что они уже скоро должны были подойти, царь, как воочию явившаяся на землю воплощенная гордость, обуреваемый нетерпением, сам напал на вражеское войско. Произошло большое сражение. Синхаварман потерял все бывшее с ним войско, и сам, после того как выдержал сотню неистовых ударов и кольчуга его была проколота, теряя под собою слона за слонем, был наконец взят в плен Чандаварманом, который также со своей стороны проявил сверхчеловеческую силу и мужество. Но он не убил его, так как питал сильнейшую страсть к Амбалике, его дочери, прозванной «сокровищем среди молодых женщин». После того как все стрелы были извлечены из тела Синхавармана и он поправился, Чандаварман старался помириться с ним, но не имел никакого успеха и потому посадил его в тюрьму. Затем он приказал штату придворных астрологов вычислить, что царевна Амбалика должна быть выдана замуж немедленно, на другой же день рано утром.

И вот, в то время когда он уже стал одеваться в праздничные одежды, (приготавливаясь к свадьбе), вернулся из Гималаев от царя Дарпасары гонец Энаджанга и привез такой ответ на донесение (о том, что произошло между царевичем Раджаваханой и царевной Авантисундари): «О глупый человек! Разве осквернитель девичьего ложа достоин сожаления? Стоило ли тебе обращать внимание на болтовню старого царя (Малавийского)? От старости он уже потерял и гордость и стыд. Только поэтому он и защищает дурное поведение своей дочери. Ничуть не медля, вели пытать и казнить влюбленного царевича. Пришли мне известие о том, что это исполнено. Обрадуй мой слух известием о его смерти! А царевну, которая так скверно себя ведет, вместе с ее младшим братом, Киртисарой, вели заковать в цепи и запереть в тюрьму».

Услышав это, Чандаварман приказал: «Завтра же рано утром должен быть доставлен к воротам дворца негодяй Раджавахана, осквернитель девичьей чести. Туда же должен быть доставлен и большой слон, называемый «Неистовый юнец», и на него надеты все украшения. Я совершу обряд венчания, а затем сам сяду на этого слона и сделаю нечестивого царевича игрушкой (под его ногами). Затем, не сходя со слона, поеду навстречу врагу и разобью войско, спешащее царевичу на помощь. Я возьму его в плен вместе с его казною и верховыми животными». Сказав это, он произвел смотр своему войску.

На следующий день, как только занялся на небе свет утренней зари, стражники вывели царевича на площадь перед дворцом; туда же был доставлен и слон, носящий кличку «Неистовый юнец», приведенный предварительно в бешенство, вследствие чего из висков у него потекли ручьи жидкости. И вот в этот самый момент ноги царевича освободились от связывавшей их серебряной цепочки. Сама же цепочка обратилась в божественную нимфу⁵, заблиставшую в воздухе, как серп молодой луны. В знак почтения к царевичу она обошла кругом него слева направо⁶, подняла вверх сложенные молитвенно ладони и почтительно доложила:

Рассказ нимфы

«Царь, сделай милость, подари мне минуту внимания и сочувствия. Я божественная нимфа по имени Суратаманджари, дочь Сомарашми⁷. Однажды, когда я летала по воздуху, к моему лицу приблизился лебедь, который принял висевшую у меня на плечах

длинную жемчужную нить за белый стебель лотоса. Когда он жадно схватил ее, я отогнала его. При этом я рванула жемчужную нить, она разорвалась и совершенно случайно упала на голову великому святому отшельнику Маркандее*, который в это время купался в озере на Гималае. Озеро было мелко, так что святой то погружался, то подымался из воды. Когда жемчужины упали ему на голову, седые его волосы, смешавшись с жемчугами, показались вдвойне белыми. Разгневанный, он изрек на меня ужасное проклятие: «Дрянь! Превратись в металл, лишись сознания!» Я стала умолять его о прощении. Тогда он определил, что в наказание я должна буду на два месяца превратиться в цепь и связывать собою твои лотосоподобные ноги. После этого мое несчастье минует и ко мне вновь вернуться все органы и чувства в прежней силе.

Таким образом, за великий свой грех я превратилась в серебряную цепочку. В этом виде меня нашел на горе Шанкара* некий гений* по имени Вирашекара, сын Манасавеги и внук царя Вегаванта из рода Икшвакуидов*. Он взял меня и присвоил себе. Он питал сильную вражду к властителю империи воздушных гениев Нараваханатту, сыну царя Ватса*, за то, что тот враждовал с его отцом. Поэтому он вступил в союз с царем Дарпасаром в надежде, что этот царь благодаря силам, приобретенным путем подвижничества, будет в состоянии (отомстить) за обиды, нанесенные нынешним императором его отцу. Тогда Дарпасар обещал отдать ему (как союзнику) в замужество сестру свою Авантисундари. И вот однажды, как-то раз, когда луна блестела самым чистым своим светом, он, не будучи в состоянии сдержать своих чувств, пожелал взглянуть на Авантисундари, предмет самых страстных его желаний, и прилетел (ночью) ко дворцу царицы, который при лунном свете блистал, как дворец бога Индры*. Так как он обладал даром становиться невидимым, то никто не заметил, как он проник в спальню. Он же увидел (обещанную ему невесту), отдыхающую от упоения твоею любовью, с головой, лежащей у тебя на груди, после того как ты путем восхитительных рассказов обратил на себя течение многоводного потока ее любви. Рассказы твои о создании, гибели и жизни в трех мирах* были столь восхитительны, что, слушая их, казалось, что пьешь амброзию*. Хотя он сильно разгневался при виде такой картины и решил было наложить на тебя другое наказание, (а именно убить тебя), но все же не сделал этого. Таково было влияние твоей тайной силы. Судьба внушила ему другое решение: в то время как вы оба сладко спали, обняв друг друга, он связал лотосоподобные ноги твои посред-

ством меня, которая была обращена в серебряную цепочку. Затем, вне себя от гнева, он удалился.

Теперь окончился срок моего наказания, окончился также и срок твоего плена. Будь милостив, скажи, что мне теперь для тебя сделать».

Рассказав это, она почтительно поклонилась царевичу.

«Расскажи о том, что здесь случилось, той, которую я люблю, как свою жизнь, и этим утешь ее!» — крикнул царевич и отпустил ее.

Заключение

В этот самый момент раздался крик: «Убит, убит Чандаварман! Убит как раз тогда, когда он протянул свою сильную руку со страстным желанием коснуться руки Амбалики, дочери царя Синхавармана. Убит каким-то преступником, вором, который в этот момент крепко схватил его за руку и стремительно оттащил его от девушки. Теперь этот вор смело разгуливает по дворцу и уже наполнил его комнаты многими трупами».

Услышав это, царевич Раджавахана вскочил на того самого разъяренного слона, который был приготовлен для его казни, спихнул с него погонщика и сам погнался с величайшею поспешностью к царскому дворцу. Быстрым движением слона он разогнал пеших воинов и они открыли ему дорогу ко дворцу. Проникнув внутрь ограды, царевич голосом, который раздался, как сильный гром из густых облаков, крикнул: «Велик тот человек, который совершил этот подвиг: недоступно это простому человеку! Кто он такой, пусть он подойдет! Пусть вместе со мною сядет на этого слона! Я отвечаю за безопасность того, кто присоединится ко мне, даже если он будет воевать с богами и демонами!»

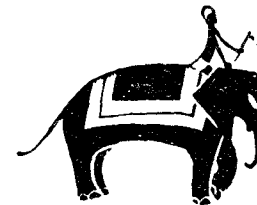
Когда раздался этот крик, из толпы вышел человек, (который убил Чандавармана). Вне себя от радости, он поклонился царевичу, подняв вверх в знак почтения руки со сложенными ладонями. После того он сделал слону знак, по которому тот подогнул передние ноги. Тогда он быстро на него взобрался, но в тот самый момент, как он садился, царевич взгляделся в него, глаза его широко раскрылись от радости, и он сказал: «О счастье! Это мой дорогой друг, сам Апахараварман*!» Сев на слона сзади, тот просунул свои крепкие руки царевичу под мышки и, держась за него, стал прижимать его к себе, а царевич загнул свои руки назад и в свою очередь обнял его. Эти взаимные объятия продолжались

один момент, так как наступали вражеские воины. Они вели сражение всякими способами, применяя луки, стрелы, диски, железные дротики, щиты, копья, палицы, железные штыки и прочее. Всех их, по мере того как они наступали, Апахараварман повергал на землю. Когда он так защищался, он вдруг увидел свое войско, которое спешило ему на помощь и имело при себе все роды оружия.

Вслед за тем к этому месту подъехал на слоне молодой воин. Он погонял слона изо всех сил, царапая его голову ниже ушей пальцами своих ног. В то же время он с необычайною ловкостью осыпал врагов целым дождем стрел. Цвет лица его был светлый, как цвет желтого ствола пальмы, темные же волосы его имели голубой отлив, напоминавший блеск сапфира. Ноги и руки его имели мягкие очертания, как стебли лотоса. Темные блестящие зрачки его глаз находились на продолговатых, как бы до ушей достигающих, белых, как молоко, глазных яблоках. Кинжал, украшенный драгоценными камнями, висел у него на боку. Живот его был подтянут, грудь же выдавалась вперед, одет он был в шелк. Приблизившись к царю Раджавахане, он сразу узнал его на основании всего того, что слышал о нем раньше. Подняв кверху сложенные ладони, он поклонился ему, затем, пристально смотря на Апахаравармана, он доложил: «По твоему приказанию я указанным тобою способом собрал и привел сюда это войско для оказания помощи царю Бенгальскому. Армия врага разбита и рассеяна. Она в таком положении, что должна сложить оружие даже перед женщинами. Не нужно ли сделать еще чего-либо?»

Довольный Апахараварман сказал: «Царь! Сделай милость, подари свой взгляд этому человеку, он исполнит всякое твое приказание. Прошу на него смотреть, как на меня самого. Это я, только помещенный в другое тело и носящий имя Данамитр. Пусть он освободит царя Бенгальского из тюрьмы, пусть соберет вместе разхищенную его казну и разбежавшихся верховых животных. Пусть он находится наготове при тебе, о царь, с теми частями войск, которые перейдут на нашу сторону. Мы же, если ты против этого ничего не имеешь, выберем уединенное местечко и отдохнем там в свое удовольствие». Царь отвечал: «Как хочешь!» — и двинулся вон из города по указанной ему дороге. Она привела его на ровное место, где под тенью громадной смоковницы песок был белый, как полотно, где веял прохладой ветер, проносясь по волнам Ганги-реки *. Тут он сошел со слона, Апахараварман же сошел еще раньше его и, быстро выровняв своими руками местечко на песча-

ной отмели Ганги-реки, он насыпал холмик, формой похожий на слона. Царь расположился на нем с удобством. Как только он уселся, к тому же месту Данамитр привел (друзей царевича): Упахаравармана, Артапала, Прамати, Митрагупта, Вишрута и, кроме них, еще Прахаравармана, царя Митилийского, Камапала, царя Бенаресского, Синхавармана, царя Бенгальского. Данамитр пал к ногам царя, который, сильно обрадовавшись, поднял его и спросил: «Каким образом собралось вместе все это общество друзей? Что это за счастливая случайность?» После того как ему были оказаны обычные почести, он крепко-накрепко обнял каждого из друзей, а правителя Бенаресского и царей Бенгальского и Митилийского, которые были представлены ему друзьями, он приветствовал, как родителей. Они, волнуясь, обнимали его, причем седые их головы тряслись от волнения. Царь же очень был тронут. Затем началась дружеская беседа. Царь рассказал о своей жизни и о приключениях Сомадатты * и Пушподбавы. Это послужило поводом к тому, что каждый из друзей в свою очередь должен был рассказать о своей жизни, и царь приказал им это сделать. Первым из них начал свой рассказ Апахараварман.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства	5
Предисловие	6
<i>Глава первая.</i> Приключения царевича Раджаваханы . . .	13
<i>Глава вторая.</i> Рассказ Апахаравармана	22
<i>Глава третья.</i> Приключения царевича Упахаравармана . .	33
<i>Глава четвертая.</i> Приключения Артапала	70
<i>Глава пятая.</i> Приключения Прамати	83
<i>Глава шестая.</i> Приключения Митрагупта	95
<i>Глава седьмая.</i> Приключения Мантрагупта	118
<i>Глава восьмая.</i> Приключения Вишрута	129
Заключенне	149
Комментарии	155

Д а в и д
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДЕСЯТИ ПРИНЦЕВ

Утверждено к печати

Редакционным советом востоковедной литературы
при Отделении исторических наук
Академии наук СССР

Редактор издательства И. А. Елевич
Художественный редактор И. Р. Бескин
Технический редактор С. В. Цветкова
Корректор М. Э. Шафранская

Сдано в набор 4/II 1964 г.
Подписано к печати 9/VI 1964 г.
Формат 60 × 84^{1/2}. Печ. л. 11,0.
Усл. п. л. 11,0. Уч.-изд. л. 9,54.
Тираж 75 000 экз. Зак. 2006.
Цена 50 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2.

Типография «Красный пролетарий» Политиздата.
Москва, Краснопролетарская, 16.